

Вынь да положь: блеск и нищета ортодоксии¹

(отклик на статью Фомина Д. А.
Российские инвестиции:
интеллектуальная недостающая //
ЭКО. 2020. № 6)

Б.Л. ЛАВРОВСКИЙ, доктор экономических наук.

E-mail: boris.lavrovski@gmail.com

Новосибирский государственный технический университет,

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Е.А. ГОРЮШКИНА, кандидат экономических наук.

E-mail: e.goryushkina@mail.ru

Новосибирский государственный университет, Институт экономики

и организации промышленного производства СО РАН

Е.А. ШИЛЬЦИН, кандидат экономических наук. E-mail: e.shilcin@gmail.com

Новосибирский государственный университет, Институт экономики

и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Необходимость существенного расширения инвестиционной деятельности, роста нормы накопления в ВВП в настоящее время не является позицией исключительно представителей научного сообщества, она уже стала элементом государственной политики. За идеологемой количественного наращивания инвестиционных усилий очень важно, по мнению авторов статьи, не упустить проблему инновационной активности; проблему качества материально-вещественных элементов инвестиций, технологий, в которых они воплощаются. На базе мирового опыта показано, что высокая норма накопления сама по себе далеко не обязательно обеспечивает внушительный экономический рост. Иллюстрируется тезис о том, что интенсификация инновационной активности в России является предварительным (базисным) условием расширения инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; норма накопления; инновационная активность; технология; экономический рост; Россия

В конце 2019 г. в «ЭКО» была опубликована наша статья о проблемах интенсификации экономического роста [Лавровский и др., 2019]. С критическими замечаниями в ее адрес выступил Д. А. Фомин [Фомин, 2020]. Основная его претензия в том, что «авторский уход в тему качества не должен отменять проблему количества (достаточности) инвестиций в российскую экономику».

¹ Статья подготовлена в рамках проекта XI.170.1.2. (0325–2019–0013) «Формирование основ теории инновационной экономики: операциональные определения, измерения, модели, научно-технологические прогнозы и программы», № АААА-А17–117022250128–5.

Статья нашего уважаемого оппонента – хороший повод поговорить в непринужденном жанре полемики о наблевшем и *по возможности* расставить точки над *i*.

Постановка и история вопроса

Пожалуй, нет сейчас серьезного и ответственного исследователя в России, который не призывал бы к расширению инвестиционной активности, росту нормы накопления в ВВП. «Высокая норма сбережений и инвестиций... становится в последнее время одной из точек консенсуса экономистов... Такой вывод имеет принципиальное значение для анализа перспектив экономического роста в России и конструирования политик, направленных на его стимулирование» [Стратегия-2020, 2013. С. 27].

Прозрели все, но это было не всегда. В 1970–1980-е годы один из немногих, возможно, единственный из крупных советских экономистов, кто буквально бил в набат, призывая обратить внимание на ослабление макроэкономической динамики в связи с затуханием инвестиционного процесса, деградацией инвестиционного комплекса, был Константин Куртович Вальтух. Широкая научная общественность подчас не была знакома со многими индивидуальными его работами, напечатанными на ротапринтере в ИЭОПП. Известность получили более поздние его статьи, в том числе в соавторстве, опубликованные в «ЭКО». В годы перестройки и позднее его принципиальная позиция была оценена².

Советское политическое и хозяйственное руководство, поглощенное идеей достижения мирового лидерства по ключевым экономическим индикаторам и за счет этого «похорон» капитализма, делало все возможное и невозможное, чтобы высокие темпы роста, достигнутые в 1950-е годы, в дальнейшем поддерживались. Но норма накопления, как и темпы, неуклонно сокращались.

Почему? Существуют экономические законы, которые в соответствии со складывающейся ситуацией делают возможным

² К. Вальтух и Б. Лавровский связывали феномен застоя с затуханием инвестиционного процесса [Социально-экономическая история России, 2014. С. 426]; Новосибирские ученые К. Вальтух и Б. Лавровский в получившей широкий резонанс статье показали, что в 70-е – начале 80-х годов по абсолютному большинству важнейших позиций ввод мощностей сокращался... [Шмелев, Попов, 1989. С. 182]; в работе В. Попова [Попов, 2007] дается ссылка на статью: *Вальтух К., Лавровский Б.* Производственный аппарат страны: использование и реконструкция // ЭКО. 1986. № 2. С. 17–32.

или невозможным осуществление тех или иных политических амбиций даже и в жестко централизованной плановой экономике. В каждый данный момент объем производимого продукта ограничен, т.е. чем больше масштабы накопления, тем меньше фонд потребления. Вызревание социализма «с человеческим лицом» заставило руководство страны дать, наконец, людям жилье (при Сталине объемы жилищного строительства за счет государственных средств были ничтожны), стиральные машины, холодильники и, страшно сказать, легковые машины, иными словами, отчасти перестроить отраслевую структуру экономики в пользу непроектного потребления. Но главное не в этом.

На протяжении последних десятилетий существования СССР в стране доминировал эволюционный путь технического прогресса. Приростные показатели новой техники и технологий оказывались недостаточными, чтобы компенсировать тенденцию к росту издержек, в том числе к увеличению капиталоемкости. Эффективность капиталовложений падала, источник накопления неизбежно начинал таять. Поддерживать высокую норму накопления объективно стало невозможно. Потребность в инвестициях для целей развития и реконструкции всё более стареющего и деградирующего производственного аппарата увеличивалась, а возможность её удовлетворения сокращалась. Нарастали предпосылки кризиса.

Здесь уместно поделить одну историю «из жизни». Расскажем ее и кое-что в дальнейшем от первого лица.

В 1970–1980-е годы Институт экономики и ОПП тесно сотрудничал с Госпланом СССР, прежде всего, с его сводными отделами; обменивались материалами, совместными работами, пр. В эти годы существовал следующий порядок. Каждому пятилетнему плану предшествовал разработанный ЦК партии документ «Основные направления экономического и социального развития СССР на такие-то годы (проект)», в котором были отражены контрольные цифры роста. Документ публиковался с целью широкого народного обсуждения.

Обрабатывая полученные из Госплана документы к десятому пятилетнему плану, обнаружил следующее. Начиная с третьего («решающего», как тогда говорили, а впереди был еще «определяющий» и «завершающий») года пятилетки, уровень использования производственных мощностей по многим основным видам промышленной продукции заметно возростал, скажем, с 82% до 94–95%, а то и выше. Притом, что столь высокой нагрузки не удавалось достичь никогда ранее. Что бы это значило? Мина под пятилетку?

Отправили меня в Москву докладывать, летел со смешанным чувством – дадут высокую награду или посадят. Рассказываю свою находку

спецам Госплана (именно спецам), рассчитываю на любую их реакцию, кроме той, которую услышал: «А мы знаем». Как, ведь это...!

И мне, несмышленицу, пояснили. Пойми, инвестиций нет, а выполнять план по производству надо. Поэтому приходится завышать уровень использования действующего аппарата. По правилам арифметики все сходится, да и никакого особого обмана здесь нет. Пятилетний план сразу после его принятия откладывается в долгий ящик, и последующее планирование (регулирование) экономики осуществляется уже достаточно реалистичными годовыми планами. А выполнение пятилетнего плана рассчитывается по отношению к сумме годовых планов.

Мы писали, что в «институциональной среде, не принуждающей товаропроизводителей к технологическому прогрессу, не создающей для этого необходимых условий, правильные в принципе идеи расширения инвестиционной деятельности повисают в воздухе. Для их реализации отсутствуют возможности. Точнее, эти возможности «могли бы появиться, если бы рассматриваемая система обладала качественно иной инновационной сферой. Но, по-видимому, именно в этом и состоит ахиллесова пята...» [Лавровский, Рыбакова, 1994].

Можно с уверенностью предположить, что и сегодня разочарование, связанное с отсутствием сколько-нибудь заметного технологического прогресса, результатов инновационной деятельности в России в сложившейся институциональной среде, как раз и порождает идеологему количественного наращивания инвестиционных усилий, последовательным апологетом которой является наш оппонент.

Фантом качества

Кажется, от Г. И. Ханина, будучи еще его студентом, услышал афористическое высказывание: «Когда весь мир будет коммунистическим, одну страну оставим буржуазной, чтобы увидеть, куда идет технический прогресс».

Называют разные обстоятельства, обусловившие развал страны. По-видимому, спусковым крючком стало драматическое углубляющееся отставание от мирового научно-технологического тренда. Производили в разы больше, чем в США, тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники. Выпускали больше всех в мире кожаной обуви и многого другого. Но, несмотря на ошеломляющие масштабы, спрос, подчас ажиотажный, отнюдь не утихал. Достоверно известно только о двух-трех случаях из тысяч наименований промышленной продукции, когда

к середине-концу 1980-х годов на потребительском рынке было достигнуто определенное равновесие. Это швейные машинки, электрические лампы и, возможно, ковры. Причем плановикам и торговле было не до радости.

Страна жила по изматывающим разорительным затратным сценариям, неизбежность которых обусловлена, как ни странно, самим существованием государственного плана. Директивы, планы и контроль за их исполнением непременно предполагают возможность и необходимость количественного измерения – в штуках, тоннах, метрах, киловаттах, пр. Трудноизмеримое или вообще не измеримое – качество – в этой системе – фантом.

Природа этих сценариев была ясна уже некоторым видным основателям советского государства. «Строить гигантские заводы по готовым западным образцам можно и по бюрократической команде, правда, втридорога. Но чем дальше, тем больше хозяйство упирается в проблему качества, которая ускользает от бюрократии, как тень...Качество предполагает...условия, несовместимые с тоталитарным режимом страха, лжи и лести» [Троцкий, 1991. С. 228].

Возможности накопления, развития в советский период поддерживались во многом благодаря сверхрентабельности отдельных производств. Особая роль принадлежала «прочим» продуктам, как стыдливо назывались в доходной части бюджетной статистики водка и другие алкогольные напитки. Но с падением «железного занавеса», вовлеченностью страны в мировой рынок оказалось, что конкурентоспособность огромных секторов советской экономики ничтожна. В постсоветский период место водки заняла нефть.

За качеством продукции стоит основной капитал – базис экономики. Если его технологический уровень достаточен (и непрерывно поддерживается), чтобы систематически производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию, производитель получает, кроме средней прибыли, возможно, еще и ренту, формирует накопления, развивается; страна укрепляет обороноспособность. Если недостаточен – все наоборот.

Во многих случаях сколь угодно большое количество не способно в принципе восполнить, уравновесить недостаток качества. СССР обладал самым большим и, возможно, самым мощным парком металлообрабатывающего оборудования.

Но многие задачи особой технической сложности даже в интересах обороны был решить не в состоянии. Один пример.

Затухающую звуковую волну от винта советской атомной подводной лодки первого поколения было слышно на расстоянии 200 морских миль. Какая уж тут скрытность. Помимо других факторов, шум создает гребной винт. Для снижения шума надо было очистить сложные поверхности винтов очень гладко и точно, с минимальными допусками, а это требовало специального оборудования, которого в стране не было. Этот станок весом 220 т, шириной 22 м, высотой 10 м производила «Тошиба Машин».

Американцы понимали, что Советский Союз будет покупать необходимые ему военные технологии и уже тогда ставили запреты на их продажу. Но стремление к наживе и профессионализм сотрудников КГБ свое дело сделали. Советские атомные подводные лодки третьего поколения по шумности сравнялись с американскими атомоходами³.

Да что там подводные лодки. Буквально засилье импортной продукции на рынке сколько-нибудь технической сложной продукции – красноречивое свидетельство потенциции имеющегося в России технологического базиса.

Понимание необходимости интенсификации инновационной деятельности как предварительного, базисного условия расширения инвестиционной активности зреет в современной литературе: «Размеры инвестиций могут и должны быть увеличены, но при этом непременно должна быть интенсифицирована работа на всех направлениях, связанных с научно-технологическим прогрессом в стране и особенно в сфере инвестиционного машиностроения» [Кушлин, 2016].

Уже говорилось, что наиболее последовательно в течение многих лет идеология наращивания инвестиций «экстраординарными темпами» с ее теоретическим обоснованием и широкими эмпирическими иллюстрациями разрабатывалась и защищалась К.К. Вальтухом. Основной постулат его концепции состоял в следующем. опередить ту или иную страну по уровню душевого ВВП Россия сможет тогда и только тогда, когда превзойдет ее по уровню душевых инвестиций и будет «затем поддерживать (лучше – наращивать) такой отрыв...» [Вальтух, 2009, 2007]. Но и в этой концепции присутствует одна важная оговорка (уточнение): опережение определяется не только уровнем превосходства по душевому объему вложений, но и эффективностью последних.

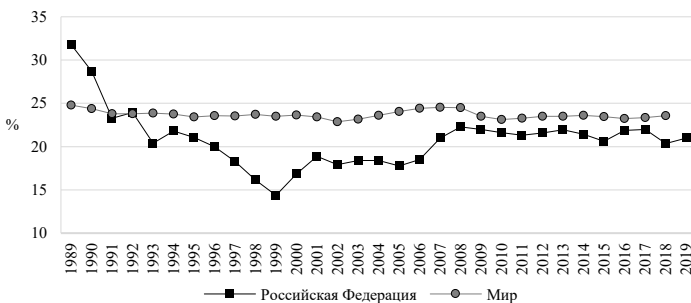
³ Секрет малозумного гребного винта. URL: <https://versia.ru/tajnaya-pokupka-stankov-yaponii-pozvolila-sssr-rezko-snizit-shumnost-svoix-atomnyx-podvodnyx-lodok>

Итак, исходный пункт разумной экономической политики – реконструкция на базе (самых) современных технологий, запрет на воспроизведение способов производства прошлого. Не хватает собственных инновационных разработок – заимствовать так или иначе, история оправдает. Но вопрос – сколько инвестиций, какая норма накопления – при этом никак не может быть первым.

Это важнейшее и очевидное, на наш взгляд и не только, требование уважаемый оппонент либо не замечает, либо принципиально игнорирует. Его императив – вынь да положь, как минимум, удвоение размера инвестиций при соблюдении ряда межотраслевых ограничений, и все наладится. Правда, некоторые условия на инвестиции накладываются, но настолько специфические, что об этом отдельно и специально.

Норма накопления – тренды в мире и Россия

Рассуждая о требуемых масштабах инвестиций, стоило бы чуть подробнее поговорить о том, как обстоят дела в других странах, сопоставить с мировыми трендами накопления, не ограничиваясь только 2014 г. Восполним этот пробел⁴. На рисунке 1 представлены данные о норме накопления в России и в целом по миру.

Источник: по данным Мирового банка/URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS>

Рис. 1. Норма накопления в основной капитал в РФ и в мире в 1989–2019 гг., %

Значение нормы накопления в России, последовательно скатываясь почти с 32% в 1989 г. до 14,4% в 1999 г., затем стало

⁴ В статье при анализе стран мира, если нет специальных оговорок, использовались данные Word Development Indicator (WDI), публикуемые Мировым банком: URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

в тенденции возрастать, но так и не достигло среднемировой оценки. Примерно с 2008 г. разница устойчиво составляла около 1,5–2,0 п.п. По этому показателю из 159 стран мира Россия в 2016 г. находилась на 93-м месте. Этот рейтинг, конечно, впечатляет, но стоит обратить внимание, что многие развитые страны в этот год имели близкое или даже меньшее значение нормы (табл. 1).

Таблица 1. Норма накопления в основной капитал в России и ряде развитых стран в 2015–2019 гг., %

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Австрия	22,7	23,1	23,5	23,9	24,3
Бельгия	23,0	23,2	23,1	23,8	24,1
Канада	23,9	22,8	22,7	22,5	22,1
Германия	20,0	20,3	20,5	21,2	21,7
Дания	19,9	21,0	21,2	22,0	22,2
Испания	18,0	18,0	18,7	19,4	20,0
Финляндия	21,2	22,7	23,2	23,9	23,7
Франция	21,5	21,8	22,5	22,9	23,6
Исландия	19,4	21,1	22,0	21,6	20,2
Израиль	19,2	20,7	20,8	21,4	-
Япония	23,8	23,3	23,8	24,1	-
Российская Федерация	20,6	21,9	22,0	20,4	21,0
США	20,4	20,2	20,5	20,7	-
Мир	23,5	23,3	23,4	23,6	-

Источник: по данным Мирового банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.KD>

Более того, многие развитые страны с начала 1970-х годов демонстрировали падающий тренд нормы накопления длительное время: в целом за 1971–2016 гг. – четырнадцать стран⁵ и в течение большей части этого периода еще четыре (Франция, Норвегия, Португалия, Сингапур). Далеко не все из них бедствуют. Правда, в последние два-три года в некоторых из них наметилась тенденция к росту показателя, но к России это не относится.

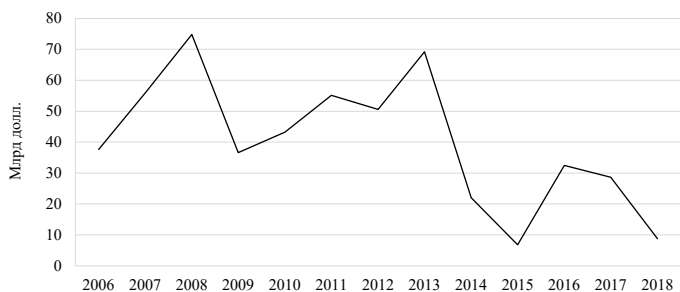
Одни страны с развивающимся рынком сокращают норму накопления в течение большей части указанного периода или, по крайней мере, не увеличивают ее (Аргентина, Алжир, Арабская Республика Египет, Перу, Филиппины, Уругвай, Бразилия, Гватемала, Мексика, Пакистан и др.), другие повышают (Чили,

⁵ Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Финляндия, Великобритания, Греция, Израиль, Италия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Швеция.

Китай, Индонезия, Индия, Корея, Турция, Колумбия, Малайзия, Таиланд и др.).

Не имея на то технологических оснований, Россия по уровню накопления в ВВП примыкает к развитым странам. Это, конечно, нонсенс. И не случайно политическим руководством ставится задача расширить объем инвестиций «во что бы то ни стало»⁶.

Драматизм ситуации в том, что курс на «новую индустриализацию» пробуксовывает. Казалось бы, возможности есть: страна производит продукта больше, чем в 1990 г., а норма накопления существенно ниже. Не укладывается в голове, что до сих пор объем инвестиций заметно меньше, чем 30 лет назад. Притом, что и в конце 1980-х годов инвестиционного ресурса едва-едва хватало для простого воспроизводства основного капитала. Никто не хочет вкладываться – ни отечественные, ни иностранные инвесторы (рис. 2).

Источник: ЦБ России.

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции в экономику России в 2006–2018 гг., млрд долл. США

Правда, в 2019 г. ситуация, вроде, улучшилась, но до уровня 2013 г. еще очень далеко. Как известно, резкое падение ПИИ в России связано с санкциями⁷.

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁷ Например, за время санкций число немецких компаний в России сократилось почти на 2 тыс. (с 6200 до 4274 на начало 2020-го). Число иностранных банков упало до минимума за 14 лет: на конец 2019 г. в стране работали 75 кредитных организаций с долей зарубежного капитала более 50%, хотя в начале 2010-х их было свыше 110. (Иностранные инвестиции в Россию рухнули в 52 раза. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/inostrannye-investicii-v-rossiyu-rukhnuli-v-52-raza-1029084315>)

Выше норма накопления – больше темпы роста?

Прежде всего, приведем результаты расчетов системных показателей связи нормы накопления Gross capital formation,% of GDP (с учетом прироста запасов) и темпов роста ВВП с использованием инструментария математической статистики. Для этого используем данные с 1995 г. по всем странам, обеспеченным статистикой в базе Индикаторы мирового развития (WDI).

Полученные оценки, вообще говоря, указывают на определенное наличие этой связи. Значение коэффициента корреляции составляет 0,32–0,34, при этом он статистически значим на уровне 1% (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция среднегодовых темпов прироста ВВП и средней нормы накопления по периодам (1995–2018 гг.)

Период	Число стран	Коэффициент корреляции Пирсона
1995–2018	165	0,34
1995–2006	164	0,32
2006–2018	172	0,32

Графическая иллюстрация представлена на примере одного из периодов (рис. 3).

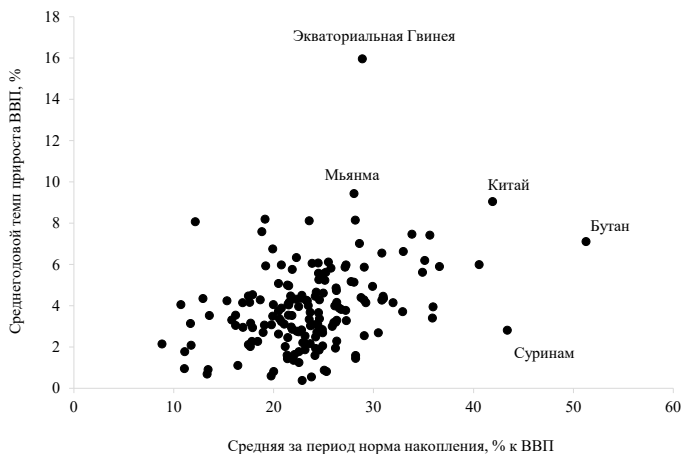

Рис. 3. Взаимосвязь темпов роста ВВП и нормы накопления за период 1995–2018 гг. (165 стран)

Особый вклад в положительную и значимую взаимосвязь вносят Китай и Бутан (на 25% определяя значение коэффициента корреляции). Надо признать, что в терминах «в среднем» регрессионная связь между темпами прироста и нормой накопления достаточно устойчива. Но, во-первых, ее объясняющая сила невелика: R-квадрат регрессии составляет 17,5%, т.е. различия в норме накопления по странам мира только на 17,5% объясняют различия в темпе прироста ВВП. Без учета Китая и Бутана эта объясняющая сила падает до 9,7%. Во-вторых, как видно на рисунке 3, существует немало стран, в которых наблюдается асимметрия (отрицательная зависимость) между значениями темпов роста ВВП и нормой накопления.

Гипотеза (тезис) «Выше норма накопления – больше темпы экономического роста», как и ее тестирование, допускают различное толкование. Сначала проверим гипотезу в следующей интерпретации: как оценку связи между средним значением нормы накопления и динамикой ВВП на длительном временном интервале. Подтверждение или опровержение гипотезы ставятся в данном случае в зависимость от результатов эмпирических наблюдений.

Всемирный банк предоставляет полные данные о валовом накоплении *основного* капитала (Gross fixed capital formation (% of GDP)) и ВВП (GDP (constant 2010 US\$)) в период с 1971 г. по 2018 г. по 72 странам мира. Протестируем гипотезу на этой выборке и в указанной интерпретации.

Суть тестирования состоит в определении числа стран, удовлетворяющих одному из следующих предположений (условий):

- высокому (относительно среднемирового уровня) значению нормы накопления соответствуют и большие (относительно среднего) темпы роста ВВП;
- низкому (относительно среднемирового уровня) значению нормы накопления соответствуют и меньшие (относительно среднего) темпы роста ВВП.

В результате расчетов получилось, что в целом число стран, удовлетворяющих предположениям, закладываемым в гипотезу, составляет 37 (51,4%), из них в 15 среднегодовые темпы роста ВВП и норма накопления выше среднемировых значений. Не удовлетворяют проверяемой гипотезе 35 (48,6%) стран;

при этом сочетание относительно высокой нормы накопления и низкого темпа роста ВВП наблюдается у восьми из них (11%), уровень нормы накопления ниже среднемирового в сочетании с относительно высокими среднегодовыми темпами прироста имеют 27 стран из 72 рассматриваемых. Примеры по некоторым странам приведены в таблице 3.

Таблица 3. Динамика ВВП и норма накопления в 1971–2018 гг. в ряде стран, %

Страна	Средняя (среднеарифметическая) норма накопления	Среднегодовые темпы прироста ВВП	Соответствие гипотезе (+, -)*
Ботсвана	30,13	7,92	+
Малайзия	27,47	6,26	+
Швейцария	26,86	1,66	-
Австралия	26,62	3,11	+
Индонезия	24,98	5,48	+
Финляндия	24,90	2,45	-
Мир	24,18	3,10	
Ирландия	22,89	4,89	-
Канада	22,06	2,88	+
Турция	21,90	4,54	-
Бразилия	19,69	3,49	-
Аргентина	19,18	2,04	+
Пакистан	15,74	4,76	-

*Знак (+) соответствует гипотезе, знак (-) – не соответствует.

Скажем, в Аргентине данные, касающиеся нормы накопления и темпов роста ВВП, меньше соответствующих среднемировых показателей, в Ботсване – больше, следовательно, в обеих странах они удовлетворяют предположениям. В то же время в Бразилии показатели нормы накопления меньше, а динамики ВВП выше среднемирового показателя (в Финляндии – наоборот), следовательно, в обеих странах они не удовлетворяют предположениям.

Итак, сравнительно большая норма накопления далеко не всегда определяет внушительную динамику ВВП, относительно низкая норма – слабую динамику. Возможно, что учет лишь среднего значения нормы за длительный период не в состоянии адекватно отобразить логику и последствия инвестиционного развития, стратегические приоритеты. Одно дело – растущий тренд относительных масштабов накопления, другой – падающий.

В связи с этим рассмотрим гипотезу «Выше норма...» в иной интерпретации: как оценку связи между *изменениями* показателей нормы накопления и темпов роста ВВП (также на длительном временном интервале). Или иначе: если в стране норма накопления растет (падает), то и динамика ВВП улучшается (ослабевает). Ее доказательство, точнее, отрицание строится на представлении опровергающих примеров (рис. 4, 5).

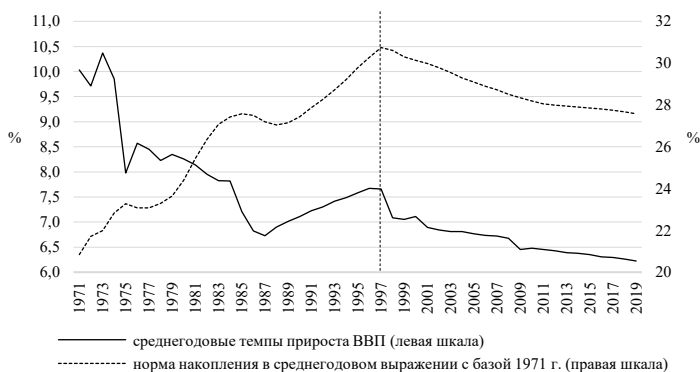

Рис. 4. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1970 г.) и нормы накопления в 1971–2019 гг., Малайзия

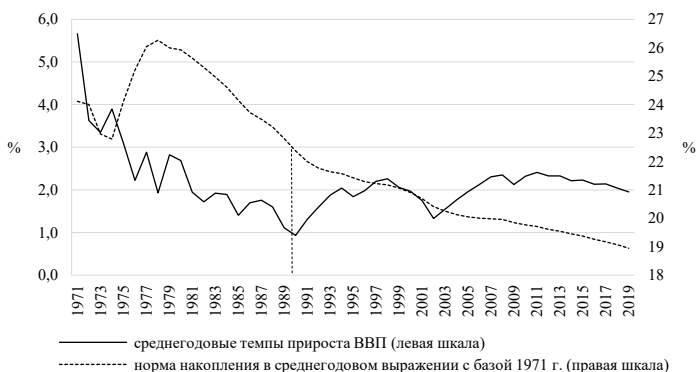

Рис. 5. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1970 г.) и нормы накопления в 1971–2019 гг., Аргентина

Как видно, значение нормы накопления в Малайзии, составляя 22,0% в среднем за период 1971–1973 гг., выросло до 30,8% в среднем за 1971–1997 гг. Одновременно с этим среднегодовые темпы прироста ВВП сократились за соответствующие периоды с 10,4% до 7,7%.

Длительная тенденция к снижению нормы накопления в Аргентине продолжилась и с начала 1990-х годов. Составляя 22,4% в среднем за период 1971–1990 гг., ее значение сократилось до 19,0% в среднем за 1971–2019 гг. Одновременно с этим среднегодовые темпы прироста ВВП увеличились за соответствующие периоды с 0,9% до 2,0%.

Таким образом, оба этих примера противоречат предположениям, закладываемым в гипотезу при данной ее интерпретации. Число этих примеров может быть значительно увеличено.

С определенностью можно утверждать также, что и в зарубежной литературе не сложилось сколько-нибудь определенного представления о соотношении макроэкономического роста и масштабов инвестиций. В лучшем случае: «инвестиции необходимы, но недостаточны» [Истерли, 2006].

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом. Макроэкономическая динамика не является безразличной к факторам величины и тренда нормы накопления. Определенная зависимость существует. Но говорить о решающем их влиянии на темпы роста ВВП отнюдь не приходится.

О Пакистане и не только

Для ответа на вопрос о соотношении экономической динамики и нормы накопления требуется более тонкая настройка самого вопроса, как мы и отмечали в своей статье. Попытаемся его уточнить.

Предположим, что в качестве факторов, детерминирующих экономический рост со стороны предложения, выступают не только масштабы (норма) накопления, но и потребность в капитале. Ставится задача оценить влияние изменений значений этих параметров во времени на трансформацию трендов роста ВВП. Попытка сколько-нибудь полного ее решения далеко выходит за пределы рассматриваемой темы.

Здесь мы ограничимся только иллюстрацией подхода на примере Пакистана.

Пакистан выбран не случайно. В своей статье мы упомянули его среди других стран со сравнительно высокой по мировым меркам динамикой и низкой нормой накопления. В этой связи Д. А. Фомин рекомендует не без сарказма «догнать и перегнать Пакистан», добавляя, что ведущей его отраслью является сельское хозяйство.

Поговорим об этом чуть подробнее. Население Пакистана составляет более 200 млн чел., ведущая его отрасль – сфера услуг (более 50% ВВП), доля сельского хозяйства, оставаясь достаточно высокой, стремительно сокращается с начала 1960-х годов. Доля ВВП Пакистана по отношению к РФ, составляя 5,2% в 1989 г., выросла до 14,8% в 2018 г. (в ценах 2010 г.). Являясь пока во многих отношениях, действительно, отсталой страной, Пакистан обладает ядерным оружием, а также средствами его доставки⁸.

Потребность в капитале или, что то же самое, удельные затраты инвестиций $I^{1,\tau}$ за период $[1, \tau]$ рассчитываются следующим образом:

$$I^{1,\tau} = \frac{\sum_{i=1}^{\tau} I^i}{Y^{\tau} - Y^0} \quad \tau = 1, \dots, T,$$

где I^i - объем производственных инвестиций в году i ;
 Y^{τ} - ВВП в году τ ; Y^0 - ВВП в базовом году 0.

Соотношение экономического роста и его детерминант представлено на рисунке 6.

Как видно, кривые кумулятивных темпов и потребности в капитале едва ли не зеркальны: увеличению (сокращению) потребности в капитале на определенной фазе развития соответствует уменьшение (повышение) темпов роста. Иначе говоря, характер тренда ВВП практически полностью

⁸ По данным исследователей фонда Карнеги, в настоящее время у Пакистана насчитывается 120 ядерных боеголовок (против 100 у Индии), что делает страну шестой в мире по этому показателю после России, США, Франции, Китая и Великобритании. [Пакистан – ядерная держава номер три. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2797669>; Ядерное противостояние Индии и Пакистана. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-03-01/13_1036_pakistan.html]

определяется изменениями показателя потребности в капитале. Это наблюдение укладывается в нашу гипотезу, имея в виду, что норма накопления здесь нигде не растет (стабильная либо чуть сокращается: за два десятилетия – на 1 п.п.).

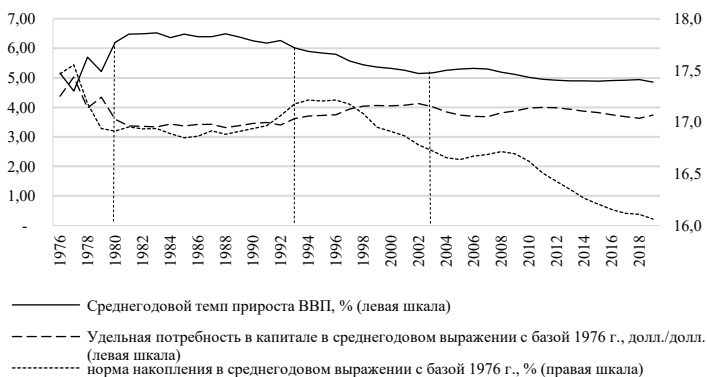

Рис. 6. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1975 г.) потребности в капитале (constant 2010 US\$) и нормы накопления в 1976–2018 гг., Пакистан

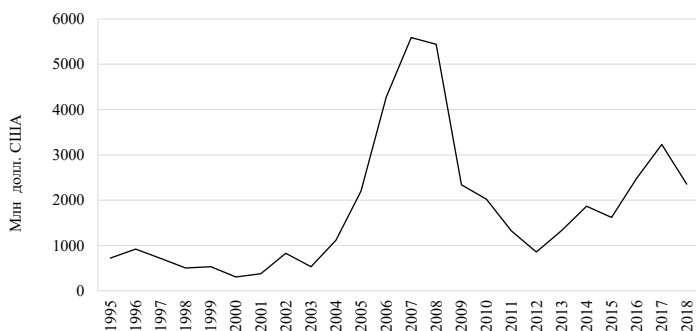
С начала 1980-х годов примерно до середины 1990-х стабильность макроэкономической динамики обязана неизменным значениям факторов роста. С середины 1990-х годов значение нормы накопления сокращается до конца рассматриваемого периода, а величина потребности в капитале растет некоторое время (то и другое накопленным итогом). Следствием закономерно становится уменьшение среднегодовых темпов прироста ВВП с 6,01% в 1976–1993 гг. до 5,15% в 1976–2003 гг. В последующем цикле благодаря зародившейся тенденции к сокращению показателя потребности в капитале темпы остаются практически стабильными: 5,12% в 1976–2009 гг. и 4,85% в 1976–2019 гг.

Динамика показателя I^{1*} в свою очередь определяется, по крайней мере, двумя обстоятельствами, действующими в противоположных направлениях. Одно из них можно считать естественным, и его влияние проявляется в росте удельных издержек инвестиций, что связано с системным усложнением производственного аппарата и пр. Другое обстоятельство,

благодаря инновационной деятельности, противостоит естественному развитию событий. Его влияние проявляется в сокращении абсолютных или относительных величин $I^{1,r}$.

Применительно к США мы показали в нашей статье 2019 г., что кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП в США в 1980–1990-е гг. удалось стабилизировать благодаря заметно возросшей в тот период интеллектуальной компоненте производственного капитала, что способствовало сокращению потребности в удельных инвестициях⁹.

Тенденцию к сокращению кумулятивного показателя потребности в капитале с начала нулевых годов в Пакистане мы связываем с заимствованием технологий, взрывным ростом прямых иностранных инвестиций в экономику Пакистана (рис. 7).

Источник: по данным Мирового банка. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=PK>

Рис. 7. Пакистан – прямые иностранные инвестиции в 1995–2018 гг., чистый приток, в текущих ценах, млн долл. США

Еще и еще раз. Здесь изложена только идея подхода. Но есть надежда, что характер макроэкономической динамики удастся во многом объяснить, привлекая для этого только два упомянутых фактора.

⁹Вопреки сомнениям нашего оппонента, эти расчеты вполне корректны, поскольку американская статистика в структуре производственных инвестиций выделяет здания и сооружения, оборудование, а также интеллектуальный продукт.

Рецепты от оппонента

Д. А. Фомину без всякого ерничанья нельзя отказать в гражданском мужестве. Не каждый способен открыто писать о генетической связи двух, казалось бы, разных эпох. «Залить проблему инвестициями, кадрами, вниманием высокого руководства – это типичное отечественное решение многих экономических (и не только) проблем. И сегодняшняя российская практика в этом отношении не может быть качественно иной, она в принципе не может существенно отличаться от позднесоветской практики».

В статье Д. А. Фомина приводится многозначительная фраза, приписываемая Наполеону Бонапарту или Александру Суворову: «Большие батальоны всегда правы». Но Александру Суворову принадлежит еще и другая не менее важная и, кстати, более известная мысль: «Воевать не числом, а умением». Обе эти фразы, несущие разный глубинный смысл, имеют прямое отношение к предмету нашей дискуссии, отражая различие точек зрения.

Оппоненту вообще свойственно парадоксальное мышление. «Если сегодняшняя российская экономика крайне неэффективно использует инвестиции, это означает, что она нуждается не в инвестициях как таковых, а в очень больших инвестициях, способных перекрыть издержки этой неэффективности... Очевидно, что чем больше будет инвестиционных дел, тем меньше будет инвестиционных ошибок».

Это означает примерно следующее. Перекроим (восполним) недостаток качества, эффективности огромными инвестициями, доведем норму накопления до 40%, глядишь, фактически и выйдем на среднемировые показатели развития. Это сильно, слов нет. Но обойдется ли дело в этом случае только затягиванием поясов...

Заключение

Уважаемый оппонент с грустью сожалеет о том, что время, когда наука вносила ясность в окружающий мир, «осталось в далеком прошлом». И мягко, без нажима журит нынешних экономистов, которые «пишут так, как будто научной истины больше не существует. Осталась лишь точка зрения...».

Нам как-то кажется, что интеллигентный исследователь, понимая ограниченность своих знаний и невероятную сложность исследуемой социальной материи, никогда не будет с пеной у рта отстаивать свою концепцию как «единственно верную». Более того, бескомпромиссность, чрезмерную настойчивость мы считаем опасным явлением, от которого один шаг до ортодоксии. Слишком много вокруг устрашающих примеров.

Есть в новейшее время и другие случаи, хотя и неустрашающие, но которые также отнюдь нельзя назвать безобидными или забавными. Чрезмерно упрямые люди, чтобы не поступиться принципами, готовы сделать себе хуже¹⁰.

Как сказал бы классик, есть инвестиции и инвестиции. Вопрос в том, удастся ли «оседлать» технологический прогресс; осуществлять расширенное воспроизводство (с рациональной нормой накопления) в неразрывной связи с инновационной активностью, внедрением новейших разработок; отчетливо осознать: накачивание российской экономики технологиями третьего-четвертого укладов не сделают ее процветающей, но вобьют последний гвоздь...

Литература

Вальтух К. К. Технологическое обновление экономики и капитальные вложения // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 1. Январь.

Вальтух К. К. Экономическая теория и долгосрочное экономическое прогнозирование // Инновации. 2009. № 8 (130). С. 14–19

Истерли У. В поисках роста: Приключения и злключения экономистов в тропиках/ Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 352 с.

Кушлин В. И. Инновационное наполнение инвестиционной политики. М.: Проспект, 2016. URL: <https://books.google.ru/books?id=3fTNCwAAQBAJ&pg=PT157&lpg=PT157&dq=%D0%B2%D1%88%>

Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А., Шильцин Е. А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество // ЭКО. 2019. № 12. С. 124–140. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–12–124–140

Лавровский Б. Л., Рыбакова Т. А. О пределах спада в российской экономике (хроника инвестиционного процесса) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 31–44.

¹⁰ Ортодоксальные евреи отказались бороться с коронавирусом и массово заразились. URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/31/jew/>

Попов В. Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период? Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас» 2007. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskojj_ekonomiki_v_brezhnevskijj_period.html

Социально-экономическая история России. Хрестоматия. Т. 3. Часть 2/ В.В. Дроздов, Т.А. Дробышевская, В.П. Золотарева и др. М., 2014. 480 с.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 228. Цит. по: СССР после великой чистки. URL: <http://militera.lib.ru/research/rogovin1/01.html>

Фомин Д.А. Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6. С. 149–170. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-149-170

Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во АПН, 1989. 400 с.

Статья поступила 14.07.2020.

Статья принята к публикации 02.09.2020.

Для цитирования: Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцин Е.А. Вынь да положь: блеск и нищета ортодоксии (отклик на статью Фомина Д.А. Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6) // ЭКО. 2020. № 11. С. 153-173. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-153-173.

Summary

Lavrovskii, B.L., *Dr. Sci. (Econ.), Novosibirsk State Technical University (NSTU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Goryushkina, E.A.,* *Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University (NSU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Shiltsin, E.A.,* *Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University (NSU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

At any Cost. The Splendor and Poverty of Orthodoxy

Abstract. The need for a substantial expansion of investment activity and an increased rate of GDP accumulation is currently the point of view not only of representatives of the scientific community. This position has become an element of state policy. The authors believe that besides promoting the ideology of a quantitative increase of investment efforts, it is very important not to forget the problem of innovative activity. It is all about the quality of the material elements of investments, as well as technologies in which they are embodied. It is shown on the basis of international experience that a high rate of accumulation in itself does not necessarily provide impressive economic growth. It is illustrated that intensification of innovative activity in Russia is a preliminary (basic) condition for expansion of investment activity.

Keywords: *investment activity; accumulation rate; innovative activity; technology; economic growth; Russia*

References

Easterly, W. (2006). In search of growth: The adventures and misadventures of economists in the tropics / Transl. from English. Moscow. Institute for Integrated Strategic Studies. 352 p. (In Russ.).

Fomin, D.A. Russian Investments: the Missing Intellectual Part. *ECO*. 2020;50(6):149–170. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-149-170>

Kushlin, V.I. (2016). *Innovative filling of investment policy*. Moscow. Prospekt Publ. Available at: <https://books.google.ru/books?id=3fTNCwAAQBAJ&pg=PT157&lpq=PT157&dq=%D0%B2%D1%88%88> (In Russ.).

Lavrovskii, B.L., Goryushkina, E.A., Shiltsin, E.A. (2019). Investment Resource of Economic Growth: not only Quantity. *ECO*. No. 12. Pp. 124–140 (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140.

Lavrovskii, B.L., Rybakova, T.A. (1994). About the limits of recession in the Russian economy (chronicle of the investment process). *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 31–44. (In Russ.).

Popov, V. (2007). Why did the Soviet economy slow down during the Brezhnev period? *Zhurnal'nyy klub Intelros "Neprikosnovennyi zapas"*. No. 2. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskoy_jekonomiki_v_brezhnevskij_period.html (In Russ.).

Shmelev, N., Popov, V. (1989). *At the turning point: the restructuring of the economy in the USSR*. Moscow. P. 400. (In Russ.).

Socio-economic history of Russia. (2014). An anthology. Vol. 3. Part 2 / V.V. Drozdov, T.A. Drobyshevskaya, V.P. Zolotarev et al. Moscow. 480 p. (In Russ.).

Strategy 2020: A New Growth Model – A New Social Policy. (2013). Final report on the results of expert work on pressing problems of Russia's socio-economic strategy for the period until 2020. Book 1; under scientific ed. V.A. Mau, J.I. Kuzminova. Moscow. 430 p. (In Russ.).

Trotsky, L.D. (1991). Devotional revolution. Moscow. P. 228. from the USSR after the great purge. Available at: <http://militera.lib.ru/research/rogovin1/01.html> (In Russ.).

Valtukh, K.K. (2007). Technological update of the economy and capital investments. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 77. No. 1. January. (In Russ.).

Valtukh, K.K. (2009). Economic theory and long-term economic forecasting. *Innovatsii*. No. 8 (130). Pp. 14–19. (In Russ.).

For citation: Lavrovskii, B.L., Goryushkina, E. A., Shiltsin, E.A. (2020). At any Cost. The Splendor and Poverty of Orthodoxy. *ECO*. No.11. Pp. 153-173. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-153-173.